

ТЕОРИЯ ЛЕКСИКОГРАФИИ

THEORY OF LEXICOGRAPHY

Научная статья

УДК 811.161.1

doi: 10.17223/22274200/32/1

К содержанию понятия «нормативный словарь» в отечественной толковой лексикографии: нормативно-стилистическая vs ортологическая традиции

Марина Николаевна Приемышева¹,
Екатерина Григорьевна Стукова²

^{1,2} *Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия*

¹ *mn.priemysheva@yandex.ru*

² *e.g.stukova@gmail.com*

Аннотация. Анализируется проблема параметров и объема понятия «нормативный словарь» в отечественной толковой лексикографии. Устанавливается, что в нем смешиваются две традиции осмысления: нормативно-стилистическая (Л.В. Щерба, В.В. Виноградов, Ю.С. Сорокин и др.) и ортологическая (Д.Н. Ушаков, С.И. Ожегов и др.). Выявляется генезис и специфика обеих интерпретаций. Обосновывается необходимость углубленной разработки категории нормативности для толкового словаря большого типа, описывающего словарный состав в его стилистическом многообразии.

Ключевые слова: толковая лексикография, литературная норма, нормативный толковый словарь, история отечественной лексикографии

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00407 «Лексикографические принципы нормативности и историзма на современном этапе: разработка типологических характеристик большого цифрового академического толкового словаря русского языка», <https://rscf.ru/project/23-28-00407/>

Для цитирования: Приемышева М.Н., Стукова Е.Г. К содержанию понятия «нормативный словарь» в отечественной толковой лексикографии:

нормативно-стилистическая vs ортологическая традиции // Вопросы лексикографии. 2024. № 32. С. 5–23. doi: 10.17223/22274200/32/1

Original article

doi: 10.17223/22274200/32/1

**On the notion “normative dictionary”
in Russian explanatory lexicography:
Normative-stylistic and orthologic traditions**

Marina N. Priemysheva¹, Ekaterina G. Stukova²

^{1,2} *Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences,
Saint Petersburg, Russian Federation*

¹ *mn.priemysheva@yandex.ru*

² *e.g.stukova@gmail.com*

Abstract. The authors analyse the parameters and the application of the notion “normative dictionary” in Russian explanatory lexicography. It is established that two traditions of interpretation are combined in this notion: the normative-stylistic one (L.V. Shcherba, V.V. Vinogradov, Yu.S. Sorokin, and others) and the orthologic one (D.N. Ushakov, S.I. Ozhegov, L.I. Skvortsov, and others). The genesis and the specifics of both interpretations are uncovered. Both traditions arose in Soviet lexicography in the 1930s, when this term appeared in common use. An explanatory dictionary’s normativity as a normative-stylistic category, which is aligned with the description of literary vocabulary extracted from classic texts in all its stylistic diversity, was comprehended in lexicographers’ works in the 1940s–1980s. In this period, the theoretical problems were being resolved in Russian lexicography, and the challenge of creating a normative-stylistic dictionary was issued. On the contrary, the comprehension of an explanatory dictionary’s normativity as a prescription of correct pronunciation, spelling, conjugation, etc. appears along with the need in a reference book for correct language use addressed to a wide audience. This tradition arose when D.N. Ushakov’s *Russian Explanatory Dictionary* (1934–1940) was being created and was finally established in Russian lexicography after the appearance of S.I. Ozhegov’s one-volume *Dictionary of the Russian Language* (1949). One of the reasons why two different traditions were combined in the current comprehension of the term “normative dictionary” was the lack of research on this problem in the 1930s when the term itself came into scientific use. As an evidence for the fact that the term was understood in various ways, the authors show some materials taken from a discussion dated by 1939 (first published in 2023) with S.P. Obnorskiy, D.N. Ushakov, V.I. Chernyshev, L.V. Shcherba, and others among its participants. Most of them emphasized the complexity of the task to create a normative explanatory dictionary that was due to the vagueness of the category of normativity itself. Another reason why two

terminological traditions were mixed in one term was the popularity of the genre of one-volume prescriptive dictionary (like Ozhegov's one) and the transfer of its normative specificity onto other Russian explanatory dictionaries. This was supported by the orthological understanding of *norm* (language standard) that was deeply elaborated in Russian linguistics in the 1950s–1980s. The authors conclude that nowadays, due to predominance of the orthological interpretation of the explanatory dictionary's normativity, it is necessary to provide an in-depth investigation into the specifics of the category of normativity for the explanatory dictionary of the *great* type, which is aimed at describing the wide stylistic diversity of Russian vocabulary.

Keywords: explanatory lexicography, literary norm, language standard, normative explanatory dictionary, history of Russian lexicography

Acknowledgements: The study is funded by the Russian Science Foundation, Project No. 23-28-00407, <https://rscf.ru/en/project/23-28-00407/>

For citation: Priemyшева, M.N. & Stukova, E.G. (2024) On the notion “normative dictionary” in Russian explanatory lexicography: Normative-stylistic and orthologic traditions. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 32. pp. 5–23. (In Russian). doi: 10.17223/22274200/32/1

Вводные замечания

Термин «норма» относится к базовым терминам лингвистики, и под ним, как правило, понимается «совокупность наиболее устойчивых традиционных реализаций языковой системы, отобранных и закреплённых в процессе общественной коммуникации» [1. С. 337]. Неотъемлемой частью понятия следует считать также и то, что социально одобряемые языковые нормы являются исторически сформированными и кодифицированными, т.е. закреплёнными в грамматиках и словарях. Традиционно в учебной лингвистической литературе выделяются нормы орфографические, орфоэпические, грамматические, лексические и стилистические. И если нормы «правильного написания», «правильного произношения», «правильного сочетания слов», зафиксированные в орфографических, орфоэпических словарях и в грамматических справочниках, признаются и осознаются носителями языка почти безусловно, то нормы лексические и стилистические, описываемые, как правило, в толковых словарях, представляют собой очень уязвимый и трудный для кодификации объект, как ввиду непрерывного динамического характера лексико-стилистической системы, ее постоянной социально-исторической обусловленности, так и отсутствия четких критериев функционально-стилистической оценки

целого ряда языковых фактов при составлении толковых словарей (см., например, [2; 3]). Так или иначе, понятие нормативности в отечественной толковой лексикографии является настолько общепринятым и аксиоматичным, что словосочетание «нормативный словарь» в отношении ко всем толковым словарям русского языка – от однотоминых до многотоминых, к которым прежде всего относятся «Словарь русского языка» в 4 т. под ред. А.П. Евгеньевой и «Словарь современного русского литературного языка» в 17 т. (БАС), – стало универсальным формуляром, хотя очевидно, что эти словари реализуют принцип нормативности в соответствии с разными установками. И если в отношении однотоминых толковых словарей понятие «нормативный» принимается исследователями бесспорно, то в отношении многотоминых словарей, таких, например, как БАС, это понятие всегда подвергалось критике.

Так, несмотря на заявленный в предисловиях всех трех изданий БАС тезис о том, что этот словарь является *нормативным*, многие лингвисты уже давно ставили проблему спорности данного утверждения, особенно в одновременном соотношении с также постулируемым в концепции словаря принципом историзма. Так, в 1939 г. в рамках дискуссии о проекте будущего «Словаря современного русского литературного языка» Л.В. Щерба подчеркивал: «Сделать так, чтобы Словарь был нормативный, чтобы Словарь был исторический, чтобы Словарь был толковый, да еще чтобы краткий, невозможно. Я думаю, что это в значительной мере несоединимые вещи» [4. С. 108]. Подобные же сомнения высказывали В.И. Чернышев [4. С. 92–102], В.В. Виноградов [5. С. 3–4], Е.Н. Толикина [5. С. 16–18]. Чуть позднее об этом писал Ю.С. Сорокин: «...принцип нормативной оценки [в БАС] с точки зрения нашей современности явно мешает установлению ясной исторической перспективы, а для нормативного словаря нашей эпохи он недостаточно определен в самом своем составе и недостаточно конкретен в своих оценках и рекомендациях» [6. С. 24].

Основным выводом, который возникает при анализе использования, казалось бы, общепринятого термина «нормативный словарь» применительно к толковым словарям, обладающим разным охватом лексики и предназначенным для различных аудиторий пользователей, становится закономерный вывод о неоднозначности и различном объеме понятия «нормативность толкового словаря». Однако в отечественной терминологической традиции это понятие не дифференцировалось по типам толковых словарей.

История показывает, что проблема нормативности, на первый взгляд, сугубо *теоретическая*, каждый раз актуализируется в связи с *практическими* потребностями лексикографии, а именно в периоды разработки и реализации новых словарных концепций. Так, первые попытки научного осмысления этой категории относятся к концу 1930-х гг., когда формировалась концепция будущего БАС [4; 7; 8]. Следующий импульс дискуссия о нормативности толкового словаря получила в середине 1960-х гг. (после завершения работы над четырехтомным и семнадцатитомным словарями) и была связана с обсуждением перспективных словарных проектов [5; 6; 9]. Затем этот вопрос серьезно ставился в начале 1990-х гг. в связи с созданием проекта «Нового академического словаря», базирующегося на принципе синхронности [10; 11].

И, наконец, новый всплеск актуальности отмечается сегодня – в связи с началом разработки концепции следующего толкового словаря большого типа. Так, в настоящее время уже намечены новые подходы к типологизации будущих толковых словарей и созданы научные предпосылки для выработки программы развития нормативной толковой лексикографии цифровой эпохи [12–14]. При этом закономерно возникла необходимость некоторого переосмысления и такого базового типологического параметра толкового многотомного словаря, как нормативность. Представленные ниже наблюдения являются результатом этого переосмысления.

Проблема формального и нерефлексивного использования термина «нормативный» применительно ко всем полным толковым словарям русского языка XX – начала XXI в. представляется следствием двух основных причин. Во-первых, это теоретическая неразработанность понятия нормативности во время его возникновения в 1930-е гг. В одном термине, с момента его возникновения, смешивались две различные традиции понимания нормативности: как *отражения существующих лексико-стилистических норм* (нормативно-стилистические словари) и как *нормализаторства* в отношении орфографических, орфоэпических, грамматических норм и в последнюю очередь – норм лексических и стилистических (ортологические словари). Вторая причина – это доминирование *ортологической* традиции в кодификации литературной нормы в 1950–1980-е гг., которое привело к тому, что лексикографический принцип нормативности стал осмысляться, прежде всего, в связи с ролью толкового словаря как «орудия культуры речи».

Проблема терминологической неопределенности понятия «нормативный словарь» в 1930-е гг.

Несмотря на то что уже первый в истории российской толковой лексикографии проект – «Словарь Академии Российской» 1789–1794 гг. (САР) – имел нормативные задачи и мог быть отнесен, по мнению В.В. Виноградова, к типу «нормативно-стилистического» словаря [15. С. 219], сам термин «нормативность» появляется в отечественной лингвистике только в начале 1930-х гг. Возникновение этого термина связано с используемым с конца XIX в. под влиянием социолингвистических работ французских ученых понятием «литературный язык». Актуализация идеи нормативности также была обусловлена доминированием в то время социальной повестки в науке, определявшейся социально-политическими потрясениями Первой мировой войны и Октябрьской революции.

С начала 1930-х гг. понятие «норма» начинает использоваться и в лексикографии. *Нормативным*¹ в это время считается такой словарь, который отражает речевую или языковую норму своего времени (без четкого понимания границ и критериев последней). Так, одно из самых ранних употреблений термина «нормативный словарь» появляется в статье Н.С. Державина и С.П. Обнорского по истории академической толковой лексикографии, где они пишут о САР: «Академия получила не просто задание по составлению словаря, а определенный социальный заказ – дать словарь (как и грамматику), которые явились бы общими *нормативными изданиями*, которые регулировали бы течение литературного языка своего времени. Академическое издание словаря в этом смысле, как оно действительно выполнено, может считаться словарем *нормативного характера*» [18. С. 17]. Очень важно, что в характеристике САР авторы сближают понятие нормативности с

---

¹ Первые фиксации слова *нормативный* в русском языке, по данным Национального корпуса русского языка [16], встречаются в письменных текстах с 1902 г. и реализуются преимущественно в философских сочинениях (например, «этика как нормативная дисциплина» (С. Франк, 1902), «нормативные типы всечеловечности» (В. Иванов, 1909), «нормативное сознание», «нормативная мораль» (Н. Бердяев, 1912)). Впервые слово зафиксировано в 3-м издании словаря В.И. Даля (под ред. И.А. Бодуэна де Куртенэ): «нормативная точка зрения» [17]. Широкое распространение термин получает в конце 1920-х гг., расширяя сферу употребления, но не теряя своего общетерминологического значения 'связанный с нормой, со стандартом'.

идеей отражения и утверждения устоявшейся на момент составления словаря речевой нормы, представленной с точки зрения ее стилистического расслоения, ср.: «Среди задач, намеченных к осуществлению в словаре, значатся специальными пунктами задачи именно определенной нормализации языка: “отличать слова в возвышенном и среднем слоге употребляемые” (ср. высокий и средний штиль в терминологии Ломоносова), “отделять слова, в сообществе благородных людей слышимые, от слов, между простонародья токмо употребительных” (низкий штиль у Ломоносова)» [18. С. 17]. То, что авторы широко понимают норму как «традицию, обычай употребления», как это делали и составители САР, становится еще более ясно из статьи Н.С. Державина о необходимости переиздания «Словаря русского языка» шахматовской редакции, в которой ученый использует такие словосочетания со словами *норма*, *нормативный*, как «речевые нормы национального языка», «нормативные формы национального языка», «нормативный национальный язык», «нормативный язык господствующих классов» [19. С. 3–5].

Однако в те же годы термин несколько иначе интерпретируется Д.Н. Ушаковым. В предисловии к «Толковому словарю русского языка» (ТСУ) в 1934 г. он отмечает: «Составители старались придать словарю характер *образцового*, в том смысле, чтобы он помогал усвоить *образцовый, правильный язык*, а именно, большое внимание обращено в нем *на нормативную сторону*: правописание, произношение, ударение слов, грамматические указания, полезные для русских и нерусских, указания на сферу употребления слов, имеющие практическое значение для ищущих стилистического руководства... Выпускаемый теперь словарь – попытка отразить процесс переработки словарного материала в эпоху пролетарской революции, полагающей начало новому этапу в жизни русского языка, и вместе с тем *указать установившиеся нормы употребления слов* (здесь и далее в цитатах курсив наш. – М.П., Е.С.)» [20. С. IX]. В этом предисловии словарь еще не называется нормативным, а лишь отмечается, что он отражает *нормативную сторону* языка, при этом нормативность понимается двояко: в функционально-стилистическом («указать установившиеся нормы употребления слов») и в нормализаторском ключе (чтобы словарь «помогал усвоить образцовый, правильный язык»). Именно поэтому, несмотря на нормативную направленность ушаковского словаря, Л.В. Щерба в своей известной типологии охарактеризовал его как

«более или менее компромиссный» [8. С. 96], имея в виду его промежуточное положение между нормативным словарем и справочником.

Следует подчеркнуть, что появившийся в лингвистике 1930-х гг. термин «нормативность» еще не имел четкого понимания. А из приведенных выше высказываний можно сделать вывод, что и в лексикографии этого времени сочетание «нормативный словарь» не являлось общепринятым и традиционным терминологическим обозначением. Яркое подтверждение этому находим в научной дискуссии, в которой приняли участие известные ученые своего времени – В.И. Чернышев, Л.В. Щерба, Д.Н. Ушаков, А.С. Орлов, С.П. Обнорский, В.М. Жирмунский и др. Стенограмма этой дискуссии хранилась в Архиве Отдела лексикографии современного русского языка ИЛИ РАН и была впервые опубликована только в 2023 г. [4]. Обсуждение, состоявшееся в Академии наук 26 мая 1939 г., было посвящено Проекту и рукописи 1-го тома будущего «Словаря современного русского литературного языка», который, согласно решению Президиума АН СССР, должен был стать «толково-историческим и нормативным» [21]. Несмотря на разнообразие затрагиваемой проблематики, участники обсуждения все время обращаются к вопросу нормативности и, в целом, затрудняются дать определение нормативному толковому словарю. Для примера приведем некоторые высказываемые суждения:

А.С. Орлов: «Нормативность – это слово довольно-таки неопределенное» [4. С. 89].

В.И. Чернышев: «Нормативный словарь русского языка – предприятие почти новое для Академии наук и для русской лексикологии вообще. До сих пор смотрели на словарь как на справочное пособие, которое должно вмещать все слова русского языка, литературного и областного, вместе с заимствованиями из чужих языков [...]. Перед нами задание великой трудности: в огромном лексическом запасе слов русского языка, накопившемся в течение двух последних столетий, главным образом в течение одного, последнего, взвесить и оценить каждое слово, чтобы признать его права на внесение в нормативный словарь современного русского литературного языка или найти основания для его исключения из словаря. Задача эта особенно трудна, между прочим, потому, что она не имеет под собой ни разработанной теоретической основы, ни достойных подражания образцов» [4. С. 97].

Л.В. Щерба: «Мне кажется, что самым важным вопросом является вопрос относительно нормативности <...>. Я должен сказать, что это

первая наша такая попытка в этом направлении <...> И я должен сказать, что тут имеется очень много трудного и страшно сложного. И надо, действительно, отдать дань тем, кто впервые за такое сложное дело взялись» [4. С. 109].

С.П. Обнорский: «Прежде всего возникает один общий вопрос – вопрос о нормативности. Ведь нормативность словаря в конце концов толкуется не только в том смысле, что мы выделяем определенную лексику, считаем одно приемлемым, а другое – неприемлемым, мы должны постараться охватить весь язык в целом» [4. С. 116].

Д.Н. Ушаков: «Если это такой справочный словарь, нормативный словарь, то для меня вопрос, действительно ли он должен быть таким большим» [4. С. 128].

Неясность понятия «нормативность» для участников дискуссии, его широкое и нетерминологическое использование очевидны: общее мнение выступающих состоит в том, что нормативный словарь – это явление новое и категорию нормативности чрезвычайно сложно определить. Проблемность этой категории можно проиллюстрировать высказываниями докладчиков о нормативном статусе слова *директорша*:

Л.В. Щерба: «Например, *директорша* в смысле директорши школы, с нормативной точки зрения это не годится. Я сочувствую, что *директорша* не говорят, *директор* школы, а не *директорша*. Но, с другой стороны, как в Словаре это будет? Это надо дать. Можно сказать, что это устарело, но так просто сказать – устарело, нельзя» [4. С. 108].

В.М. Жирмунский: «Я спросил В.И. [Чернышева], как у них будет это? В.И. сказал мне, что *директорша* будет в другом значении, *директорша* – это жена директора. Я тут спросил Д.Н. Ушакова, как у него это обозначается? Он сказал, что в его Словаре это слово имеется в двух значениях, как жена директора и как женщина-директор. Кто прав, я не знаю, но я хотел этими примерами показать, как трудно обстоит дело с нормализацией» [4. С. 120–121].

Спор и сомнения в отношении слова *директорша* очень показательны. В XIX в., который входит в объем понятия «современный русский язык», слово в разговорной речи имело значение ‘жена директора’, а к 1930-м гг. появилось новое разговорное значение ‘женщина-директор’. На примере этого показательного для дискуссии слова становится более понятным предмет обсуждения: что считать

проявлением нормативности в толковом словаре – констатацию стилистического статуса слова в современном языке или же фиксацию только рекомендуемых для употребления слов и значений? К ответам на эти вопросы участники дискуссии не приходят.

Тем не менее, несмотря на отсутствие необходимых для определения типа нормативного словаря установок, в том же 1939 г. для будущего БАС его главным редактором В.И. Чернышевым был принят ряд компромиссных решений, которые в основном следовали за лексикографической традицией, заданной еще при составлении САР и впоследствии скорректированной временем. Нормативность была интерпретирована как стилистическая категория, т.е. в словарь могла включаться лексика различных стилистических регистров (в том числе областная, просторечная, устаревшая), выбранная из *образцовых литературных текстов* («от Пушкина до наших дней»), тогда как основная нормализаторская задача авторов заключалась в правильной (с точки зрения социально-исторических норм) *стилистической оценке* лексики через систему помет. Ср.: словарь «должен явиться проводником правильного понимания социального значения слов русского языка и руководством к общепринятому употреблению слов и оборотов речи в их значениях и формах» [7. С. 342].

Следует подчеркнуть, что хотя В.И. Чернышев является автором одной из первых в истории отечественной лингвистики работ по культуре речи («Правильность и чистота русской речи». СПб., 1911), он все же выбирает для большого толкового словаря традиционное понимание нормативности как *отражения* в словаре *стилистических норм*. Однако, несмотря на это, введение в аппарат лексикографической теории термина «нормативный словарь» не сопровождается на данном этапе глубоким теоретическим осмыслением: *единственным критерием нормативности для отбора лексики в нормативный словарь осталось ее употребление в текстах образцовой литературы*, при этом система помет, принципы их постановки и комбинирования так и не получили объективной интерпретации.

Таким образом, на момент конца 1930-х гг., когда в России велась интенсивная работа над толковыми словарями русского языка (ТСУ, первые тома БАС), которые для дальнейшей русской лексикографии XX в. стали базовыми и по словникам, и по принципам работы, понятие «нормативный словарь» было диффузным, нечетким. Создатели БАС под нормативным понимали нормативно-стилистический сло-

варь, *фиксирующий* лексико-стилистические нормы своего времени, а в концепции Д.Н. Ушакова, при сохранении стилистической традиции, появляется понимание нормативности как *нормализаторства*, что означало появление новой для России ортологической традиции в толковой лексикографии.

Формирование двух направлений в понимании нормативности в отечественной толковой лексикографии XX в.

Уже в 1940-е гг. ситуация изменилась. Причин этому было несколько, и главная среди них – усилившийся социально-политический запрос на нормализаторскую работу и, следовательно, на создание грамматик, орфографических словарей и справочников, в работе над которыми принимали участие в том числе и авторы всех толковых словарей. Текущая лексикографическая практика, а также время работали на то, что очень быстро оформились два теоретически различных понимания нормативности толкового словаря.

Первое теоретическое осмысление нормативности в толковой лексикографии связано с работами начала 1940-х гг. Л.В. Щерба и В.В. Виноградов связывают специфику нормативного словаря прежде всего с отражением стилистических норм; возникает отчетливое понимание того, что собственно лексической нормы вне нормы стилистической не существует. Обобщая и продолжая предшествующую традицию нормативности в толковой лексикографии, эволюционно складывавшуюся начиная с САР, оба крупнейших лингвиста трактовали нормативность толкового словаря как *нормативно-стилистическую* категорию.

Так, В.В. Виноградов в монографическом очерке о толковых словарях русского языка использует термин «нормативный» в отношении словарей, стремившихся отразить действовавшие языковые нормы, при этом называя их тип «нормативно-стилистическим» [15. С. 219]. Л.В. Щерба в своей программной статье о типологии словарей не только выделяет нормативный словарь в отдельный тип, называя его академическим словарем и противопоставляя словарю-справочнику, но и, в частности, отмечает: «В чем же должна состоять нормализаторская роль нормативного словаря? В поддержании всех живых норм языка, особенно стилистических (без этих последних литературный язык становится шарманкой, не способной выражать

какие-либо оттенки мысли); далее, в ниспровержении традиции там, где она мешает выражению новой идеологии; далее, в поддержании новых созревших норм там, где проявлению их мешает бессмысленная косность» [8. С. 98].

Через некоторое время термин «нормативно-стилистический словарь» становится профессиональным термином лексикографов, занимающихся составлением *толковых* словарей, а тип нормативно-стилистического толкового словаря начинает осмысляться теоретически. Более того, в целом ряде работ (например, в статьях Ю.С. Сорокина [6], Л.И. Скворцова [22], Ф.П. Сороколетова [23]) в 1960–1980-е гг. ставится задача создания настоящего нормативно-стилистического словаря русского языка. Ср., например.: «Переиздание четырехтомного и семнадцатитомного академических словарей не снимает проблемы создания нормативного словаря, в котором современное словоупотребление было бы представлено в более строгих границах. В идеале этот словарь должен представлять собой тип функционально-стилистического словаря, в котором, по мысли В.В. Виноградова, все многообразие значений и смысловых нюансов слова <...> объединяется в его функционально-стилистической характеристике. С этим словарем связываются особые задачи. Л.В. Щерба, как известно, высказывал мнение, что нормативно-стилистический словарь академического типа должен адекватно отразить лексико-семантическую систему современного литературного языка» [23. С. 20].

Также показательно, что у лингвистов 1960–1980-х гг. толковые словари долгое время не назывались собственно нормативными. Так, в 1984 г. в Институте русского языка АН СССР прошла конференция «Современные проблемы изучения лексики и развития национальной лексикографии (современные *толковые* и *нормативные* словари)»; такой подзаголовок предполагал некое конституциональное различие между толковой и собственно нормативной лексикографией. Все статьи сборника¹ еще пронизаны представлением о различии задач *толковой лексикографии* и *лексикографии нормативной*, к которой были отнесены орфографические, орфоэпические словари, словари трудностей, а также терминологические словари.

---

¹ По итогам этой конференции был подготовлен сборник «Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре» (М. : Наука, 1988).

Выше было показано, что в самом конце 1930-х гг., одновременно с терминологической идентификацией нормативности как нормативно-стилистической категории, появляется и получает достаточно активную разработку другое понимание нормативности – нормализаторское, условно назовем его *нормативно-ортологическое*. Оно было первоначально реализовано в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова и закрепилось в его сокращенном переиздании 1949 г., известном впоследствии (начиная со второго издания 1952 г.) как «Словарь русского языка» С.И. Ожегова. В словаре 1949 г. термин «нормативный словарь» был четко и однозначно определен следующим образом: «Наличие большого опыта советской лексикографии значительно облегчило задачу создания краткого *нормативного словаря*. Словарь является *руководством к правильному употреблению слов, правильному образованию их форм, к правильному произношению, а также к правильному написанию слов* в современном русском литературном языке» [24. С. III].

Словарь должен был служить справочником и руководством по «правильному» написанию, произношению, словоупотреблению, образованию форм, он описывал современный ему исторический период, т.е. отражал преимущественно орфографические, орфоэпические, грамматические нормы и нормы словоупотребления. Ввиду ясных и четких задач, а также благодаря популярности жанра справочного однотомного словаря сформулированные таким образом принципы нормативного описания словарного состава и заложили основу для ортологического представления о нормативности как одной из базовых категорий толковой лексикографии.

Популяризации такого понимания нормативности способствовала и получившая широкую разработку в зарубежном языкознании в 1950-е гг. теория литературной нормы (Л. Ельмслев, Э. Косериу, Пражский лингвистический кружок и др.), и дальнейшее развитие этой теории в работах отечественных ученых (С.И. Ожегова, Ф.П. Филина, Л.И. Скворцова, К.С. Горбачевича и др.), в которых разрабатывался ортологический, культурно-речевой аспект понятия. В результате со временем сложился *стереотип* и в отношении понятия «нормативный словарь», закрепленный в вузовских учебниках и пособиях по культуре русской речи. Ср., например, утверждение К.С. Горбачевича: «Современные академические словари – это капитальные пособия нормативного типа, органически включающие в себя

понятие “норма литературного языка”» [25. С. 33], или тезис Л.И. Скворцова: «Лексикография оказывается важнейшим источником распространения и укрепления норм русской литературной речи, а также повышения культуры речи вообще. В собственно нормативном отношении *толковые словари характеризуются известной позитивностью: нормализация в них как бы заложена “изнутри”*. Они включают в себя и демонстрируют те факты, которые соответствуют нормам литературного языка» [22. С. 39].

Эти и подобные им утверждения получили распространение ввиду доминирования в практическом использовании нормативного «Словаря русского языка» С.И. Ожегова, что, в свою очередь, способствовало *отождествлению* нормативности как *нормализаторского* принципа однотомию словаря и как *нормативно-стилистического* подхода к описанию лексики русского литературного языка в многотомном словаре.

Этому также способствовало нестрогое использование термина «нормативный словарь» в предисловиях ко всем многотомным толковым словарям русского языка начиная с БАС. Простое и ясное для ортологии понятие нормы автоматически переносилось и на большие толковые словари, вследствие чего постепенно складывались стереотипы в отождествлении «нормативного словаря» со «словарем *современного* русского языка» или «словарем *литературного* языка». При этом постепенно все менее заметным оказывалось противоречивое, нарушающее принцип нормативности в ортологическом понимании включение в многотомные толковые словари просторечной, жаргонной, областной, узкоспециальной лексики на основании факта ее употребления в текстах художественной литературы «от Пушкина до наших дней».

Заключение

Итак, на текущий момент можно говорить о двух различных традициях понимания нормативности в отечественной толковой лексикографии. Одна из них, *ортологическая*, возникла в 1930-е гг. с выходом «Толкового словаря русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова и утвердилась благодаря нормативному «Словарю русского языка» С.И. Ожегова. Усилению традиции способствовали работы С.И. Ожегова, Ф.П. Филина, К.С. Горбачевича, Л.И. Скворцова и многих других в 1950–1980-е гг., закрепившие восприятие любого толкового словаря как «орудия культуры речи» и как «нормативного

словаря». Для этой традиции характерен акцент на отражении орфографических, орфоэпических, грамматических норм; нормы словоупотребления и рекомендуемые стилистические пометы имеют в таких словарях преимущественно предписывающий характер. Вторая традиция, *нормативно-стилистическая*, без терминологической идентификации была представлена в отечественной лексикографии еще с конца XVIII в. в целом ряде академических толковых многотомных словарей и нашла свое специфическое воплощение в семнадцатитомном «Словаре современного русского литературного языка». Данный словарь не может считаться нормативным в ортологическом понимании, так как он включает орфографические и грамматические варианты различных единиц за более чем двухсотлетний период, а стилистические пометы в нем носят регистрирующий характер.

Однако ортологическая традиция как наиболее разработанная из двух стала доминировать над нормативно-стилистической, а использование термина «нормативный словарь» применительно к изданиям, по-разному описывающим лексические и стилистические нормы, привело к отождествлению различных нормативных установок, с одной стороны, и к размыванию границ и объема понятия нормативности – с другой. Главным следствием этого оказалась неразработанность категории нормативности в *нормативно-стилистическом* понимании.

Сегодня эта проблема вновь встает перед лексикографами, занимающимися вопросами перспективы развития толковой лексикографии русского языка. Представляется, что в основе концепции толкового словаря (особенно многотомного), ориентирующегося, прежде всего, на описание лексико-стилистических норм употребления языка, должно лежать традиционное для отечественной лексикографии нормативно-стилистическое понимание категории нормативности, тогда как ее ортологическая сторона в большей степени соответствует задачам словарей-справочников, регламентирующих произносительную, орфографическую и грамматическую нормы. В связи с этим актуальной остается задача детальной разработки понятий лексической и стилистической норм, а также способов их лексикографической репрезентации в толковом словаре полного типа.

Список источников

1. *Лингвистический энциклопедический словарь*. М.: Советская энциклопедия, 1990. 685 с.

2. *Беликов В.И.* Стереотипы в понимании литературной нормы // Стереотипы в языке, коммуникации и культуре / сост. и отв. ред. Л.Л. Федорова. М. : РГГУ, 2009. С. 339–359.

3. *Беликов В.И.* Литературная норма в лексике и ее словарная кодификация // Русский язык в школе. 2011. № 4. С. 79–85.

4. *Стенограмма* собрания Отделения литературы и языка АН СССР по обсуждению проекта и 1 тома Словаря современного русского литературного языка. 26 мая 1939 г. // Большой академический словарь русского языка в зеркале научно-методологической литературы и критики: Справочные материалы (1938–1970) / отв. ред. Р.И. Воронцов. СПб. : ИЛИ РАН, 2023. С. 85–156.

5. *Тезисы* докладов на совещании, посвященном итогам работы над «Словарем современного русского литературного языка» (1948–1965) и перспективам работы над словарями современного русского литературного языка. 18–22 апреля 1966 г. Л. : АН СССР, 1966. 32 с.

6. *Сорокин Ю.С.* О нормативно-стилистическом словаре современного русского языка // Вопросы языкознания. 1967. № 5. С. 22–32.

7. *Чернышев В.И.* Принципы построения академического Словаря современного русского литературного языка // Избранные труды. Т. 1. М. : Просвещение, 1970. С. 342–351.

8. *Щерба Л.В.* Опыт общей теории лексикографии // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1940. № 3. С. 89–117.

9. *Бабкин А.М.* Новый академический словарь русского языка. Проспект / отв. ред. Ф.П. Филин. Л. : Наука, 1971. 42 с.

10. *Скляревская Г.Н.* Новый академический словарь. Проспект / отв. ред. К.С. Горбачевич. СПб. : ИЛИ РАН, 1994. 64 с.

11. *Очередные* задачи русской академической лексикографии / отв. ред. Г.Н. Скляревская. СПб. : ИЛИ РАН, 1995. 172 с.

12. *Воронцов Р.И.* Еще раз о нормативности и историзме академического толкового словаря большого типа // История, теория и практика академической лексикографии / отв. ред. М.Н. Приемышева. СПб. : ИЛИ РАН, 2022. С. 95–120.

13. *Воронцов Р.И.* Нормативность в системе фундаментальных категорий толковой лексикографии: к проблеме типологии словарей // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2023. Т. 82, № 5. С. 87–108.

14. *Воронцов Р.И., Приемышева М.Н., Пурицкая Е.В.* Принципы нормативности и историзма в русской академической лексикографии: еще раз о типе большого толкового словаря // Вопросы лексикографии. 2023. № 28. С. 5–27.

15. *Виноградов В.В.* Толковые словари русского языка // Избранные труды. Лексикология и лексикография. М. : Наука, 1977. С. 206–242.

16. *Национальный корпус русского языка.* URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 25.01.2024).

17. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. 3-е изд. / под ред. И.А. Бодуэна де Куртенэ. М. : Изд-во т-ва М.О. Вольф, 1903–1909.

18. *Державин Н.С., Обнорский С.П.* История и техника создания словаря русского языка Академии Наук СССР // Вестник Академии Наук СССР. 1932. № 7. С. 13–26.

19. Державин Н.С. История языка и работы Академии Наук СССР над изданием «Словаря современного русского языка» // Вестник Академии Наук СССР. 1932. № 4. С. 1–12.

20. Ушаков Д.Н. Предисловие // Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. Т. 1. М. : ОГИЗ, 1934. С. V–XII.

21. Постановление Президиума АН СССР // Вестник АН ССР. 1937. № 7–8. Хроника. С. 80.

22. Скворцов Л.И. Нормативно-стилистический словарь в системе нормативной лексикографии // Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре / под ред. Ю.Н. Караулова. М. : Наука, 1988. С. 39–43.

23. Сороколетов Ф.П. О словаре современного русского литературного языка // Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре / под ред. Ю.Н. Караулова. М. : Наука, 1988. С. 20–31.

24. Словарь русского языка / гл. ред. С.П. Обнорский ; сост. С.И. Ожегов; отв. ред. И.В. Лёхин. М. : ОГИЗ, 1949. 968 с.

25. Горбачевич К.С. Принципы нормализации языка в современной русской лексикографии // Современность и словари / под ред. Ф.П. Филина, Ф.П. Сороколетова. Л. : Наука, 1978. С. 33–45.

References

1. Yartseva, V.N. (ed.) (1990) *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic encyclopedic dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.

2. Belikov, V.I. (2009) Stereotipy v ponimaniy literaturnoy normy [Stereotypes in the understanding of literary norms]. In: Fedorova, L.L. (ed.) *Stereotipy v yazyke, kommunikatsii i kul'ture* [Stereotypes in language, communication and culture]. Moscow: RSUH. pp. 339–359.

3. Belikov, V.I. (2011) Literaturnaya norma v leksike i ee slovarnaya kodifikatsiya [Literary norm in vocabulary and its dictionary codification]. *Russkiy yazyk v shkole*. 4. pp. 79–85.

4. Vorontsov, R.I. (ed.) (2023) Stenogramma sobraniya Otdeleniya literatury i yazyka AN SSSR po obsuzhdeniyu proekta i 1 toma Slovarya sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. 26 maya 1939 g. [Transcript of the meeting of the Department of Literature and Language of the USSR Academy of Sciences to discuss the project and volume 1 of the Dictionary of Modern Russian Literary Language. May 26, 1939]. In: Vorontsov, R.I. (ed.) *Bol'shoy akademicheskiy slovar' russkogo yazyka v zerkale nauchno-metodologicheskoy literatury i kritiki: Spravochnye materialy (1938–1970)* [Large academic dictionary of the Russian language in the mirror of scientific and methodological literature and criticism: Reference materials (1938–1970)]. Saint Petersburg: ILS RAS. pp. 85–156.

5. Institute of the Russian Language. (1966) *Tezisy dokladov na soveshchaniy, posvyashchenom itogam raboty nad "Slovarem sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka" (1948–1965) i perspektivam raboty nad slovaryami sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. 18–22 aprelya 1966 g.* [Abstracts of reports at a meeting dedicated to the results of work on the Dictionary of the Modern Russian Literary Language (1948–1965) and the prospects for work on dictionaries of the modern Russian literary language. April 18–22, 1966]. Leningrad: USSR AS.

6. Sorokin, Yu.S. (1967) O normativno-stilisticheskom slovare sovremennogo russkogo yazyka [On the normative-stylistic dictionary of the modern Russian language]. *Voprosy yazykoznaniiya*. 5. pp. 22–32.
7. Chernyshev, V.I. (1970) Printsipy postroeniya akademicheskogo Slovarya sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka [Principles of constructing an academic dictionary of the modern Russian literary language]. In: Chernyshev, V.I. *Izbrannyye trudy* [Selected works]. Vol. 1. Moscow: Prosveshchenie. pp. 342–351.
8. Shcherba, L.V. (1940) Opyt obshchey teorii leksikografii [Experience of the general theory of lexicography]. *Izvestiya AN SSSR. Otdelenie literatury i yazyka*. 3. pp. 89–117.
9. Babkin, A.M. (1971) *Novyy akademicheskyy slovar' russkogo yazyka. Prospekt* [New academic dictionary of the Russian language. Prospectus]. Leningrad: Nauka.
10. Sklyarevskaya, G.N. (1994) *Novyy akademicheskyy slovar'.* *Prospekt* [New academic dictionary. Prospectus]. Saint Petersburg: ILS RAS.
11. Sklyarevskaya, G.N. (ed.) (1995) *Ocherednyye zadachi russkoy akademicheskoy leksikografii* [Further tasks of Russian academic lexicography]. Saint Petersburg: ILS RAS.
12. Vorontsov, R.I. (2022) Eshche raz o normativnosti i istorizme akademicheskogo tolkovogo slovarya bol'shogo tipa [Once again about the normativity and historicism of a large-type academic explanatory dictionary]. In: Priemysheva, M.N. (ed.) *Istoriya, teoriya i praktika akademicheskoy leksikografii* [History, theory and practice of academic lexicography]. Saint Petersburg: ILS RAS. pp. 95–120.
13. Vorontsov, R.I. (2023) Normativity Within the System of Fundamental Categories of Explanatory Lexicography: To the Problem of Dictionary Typology. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka*. 82 (5). pp. 87–108. (In Russian).
14. Vorontsov, R.I., Priemysheva, M.N. & Puritskaya, E.V. (2023) Principles of normativity and historicism in the Russian academic lexicography: The great explanatory dictionary type re-examined. *Voprosy leksikografii –Russian Journal of Lexicography*. 28. pp. 5–27. (In Russian). doi: 10.17223/22274200/28/1
15. Vinogradov, V.V. (1977) Tolkovyye slovari russkogo yazyka [Explanatory dictionaries of the Russian language]. In: Vinogradov, V.V. *Izbrannyye trudy. Leksikologiya i leksikografiya* [Selected works. Lexicology and lexicography]. Moscow: Nauka. pp. 206–242.
16. *Russian National Corpus*. [Online] Available from: <https://ruscorpora.ru> (Accessed: 25.01.2024).
17. Dal', V.I. (1903–1909) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka: V 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: In 4 volumes]. 3rd ed. Moscow: Izd. t-va M.O. Vol'f.
18. Derzhavin, N.S. & Obnorskiy, S.P. (1932) Istoriya i tekhnika sozdaniya slovarya russkogo yazyka Akademii Nauk SSSR [History and technology of creating a Russian language dictionary of the USSR Academy of Sciences]. *Vestnik Akademii Nauk SSSR*. 7. pp. 13–26.
19. Derzhavin, N.S. (1932) Istoriya yazyka i raboty Akademii Nauk SSSR nad izdaniem “Slovarya sovremennogo russkogo yazyka” [History of the language and the work of the USSR Academy of Sciences on the publication of the “Dictionary of the Modern Russian Language”]. *Vestnik Akademii Nauk SSSR*. 4. pp. 1–12.

20. Ushakov, D.N. (1934) Predislovie [Preface]. In: Ushakov, D.N. (ed.) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Vol. 1. Moscow: OGIZ, pp. V–XII.

21. *Vestnik AN SSR*. (1937) Postanovlenie Prezidiuma AN SSSR [Resolution of the Presidium of the USSR Academy of Sciences]. 7–8. Chronicle. p. 80.

22. Skvortsov, L.I. (1988) Normativno-stilisticheskiy slovar' v sisteme normativnoy leksikografii [Normative-stylistic dictionary in the system of normative lexicography]. In: Karaulov, Yu.N. (ed.) *Natsional'naya spetsifika yazyka i ee otrazhenie v normativnom slovare* [National specificity of the language and its reflection in the normative dictionary]. Moscow: Nauka. pp. 39–43.

23. Sorokoletov, F.P. (1988) O slovare sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka [On the dictionary of the modern Russian literary language]. In: Karaulov, Yu.N. (ed.) *Natsional'naya spetsifika yazyka i ee otrazhenie v normativnom slovare* [National specificity of the language and its reflection in the normative dictionary]. Moscow: Nauka. pp. 20–31.

24. Obnorskiy, S.P. et al. (1949) *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. Moscow: OGIZ.

25. Gorbachevich, K.S. (1978) Printsipy normalizatsii yazyka v sovremennoy russkoy leksikografii [Principles of language normalization in modern Russian lexicography]. In: Filin, F.P. & Sorokoletov, F.P. (eds) *Sovremennost' i slovari* [Modernity and dictionaries]. Leningrad: Nauka. pp. 33–45.

Сведения об авторах:

Приемышева Марина Николаевна – д-р филол. наук, зав. Отделом лексикографии современного русского языка, зам. директора Института лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: mn.priemysheva@yandex.ru

Стукова Екатерина Григорьевна – младший научный сотрудник Отдела лексикографии современного русского языка Института лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: e.g.stukova@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Marina N. Priemysheva, Dr. Sci. (Philology), head, Department of Modern Russian Lexicography; deputy head, Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: mn.priemysheva@yandex.ru

Ekaterina G. Stukova, junior research assistant, Department of Modern Russian Lexicography, Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: e.g.stukova@gmail.com

The authors declare no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 01.03.2024;
одобрена после рецензирования 27.03.2024; принята к публикации 22.05.2024.*

*The article was submitted 01.03.2024;
approved after reviewing 27.03.2024; accepted for publication 22.05.2024.*